

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, доцент

ЧУОО ВО «Саратовский медицинский университет РЕАВИЗ»

г. Саратов, Саратовская область

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация: статья посвящена устройству специализированного учреждения – воспитательного дома в Рио-де-Жанейро, столице Бразилии в то время. Автором рассказывается о приеме брошенных детей в воспитательный дом, методах воспитания и обучения детей, их дальнейшем будущем.

Ключевые слова: Бразилия, XIX век, попечение о сиротах, воспитательный дом, император Петро II.

В середине 80-х годов XIX века (не позже 1884 г.) в Бразилию приехал российский путешественник, вероятно, дипломат, который, скрывшись под псевдонимом «В.К.», оставил интересные заметки о своеобразной форме спасения малолетних детей – воспитательном доме, который был создан в столице Бразилии – Рио-де-Жанейро.

Эти заметки были опубликованы в журнале «Русская мысль» [2, с. 1–30], а также чуть позже, в более кратком виде, в журнале «Детская помощь» [1, с. 276–280]. Позже, известный дореволюционный исследователь Н.В. Яблоков в своей статье [3; 4] упоминал о бразильском опыте воспитательных домов.

В середине 80-х годов XIX века в Бразилии существовала ограниченная монархия, на престоле был последний бразильский император Педро II (1825–1891 гг.). При нем Бразилия наконец-то обрела тот облик, который мы видим теперь на географической карте. Войны предыдущих лет прекратились. Страна развивалась и процветала.

Российский путешественник сообщал о том, что Рио-де-Жанейро сильно изменился за последние годы. «Он вырос, расширился выиграл в красоте и великолепии. Но между улицами dos Morecas и dos Acros, близ городского сада, идет

Rua dos Baroes, небольшая, тихая улица, скорее переулок, сохранивший вполне нетронутым мирно-своеобразный характер старого Рио-Жанейро» [2, с. 2].

Один только дом в этом переулке сразу бросался в глаза «своей громадностью и совершенно особенным, странно-своеобразным устройством нижнего этажа. Именно в домах бразильского стиля, во всех без изъятия, в нижнем этаже имеется равно столько же дверей (днем постоянно растворенных настежь, ночью часто лишь притворенных, но не запертых), сколько окон имеется во втором этаже, большею частью и последнем [2, с. 1].

В этом огромном доме, на первом этаже, «нет вовсе ни окон, ни дверей, ничего выходящего на улицу, кроме одни широких и всегда запертых на ключ ворот да поделанных около них на высоте не менее сажени (около 1 метра. – *М.Л.*) от земли двух больших четырехугольных форток» [2, с. 1–2].

В полдень, когда в Бразилии фиеста, к дому подходили «...таинственные посетители, и все женщины... Женщины эти неизменно подходили к дому с узлом или корзиною в руках, а отходили с пустыми руками. Поравнявшись с загадочными форточками у ворот, они стуча в дубовую доску. За нею, очевидно, постоянно находится кто-то, потому что не пройдет и минуты, как доска отталкивается, посетительница протягивает свою ношу в открывшееся отверстие, невидимая рука берет ее и тотчас же доска снова поднимается и закрывает большую форточку» [2, с. 2–3].

Это здание было одно из многочисленных «casa dos criangas» (буквально – «детский дом». – *М.Л.*), которые были созданы во второй половине XIX в. почти во всех городах Южной Америки, «в особенности в Бразилии, в которой образцом для всех послужил рио-жанейрский дом» [2, с. 3].

Идея об учреждении воспитательного дома в Рио-де-Жанейро возникла по инициативе императора Педро II. Он лично присутствовал на открытии воспитательного дома, где прочел речь, в котором отметил, что: «одно из главнейших обязанностей государства – защищать слабых и оказывать поддержку и помощь тем, кто, нуждаясь в них, бессилён помочь себе сам. А кто же подвергается боль-

шим опасностям, кто слабее и беззащитнее детей, этих несчастных сирот, которым злой судьбой суждено никогда не знать семьи, не видеть ни материнской ласки, ни братской любви? Ясно, что они более всех прочих граждан имеют право на защиту и заботы о них государства. Но этого мало, что мы призреим и приютим их. Мы должны еще окружить их такими условиями, воспитать их так, чтобы они в детстве и в ранней юности не замечали всей тяжести своего положения, не чувствовали себя несчастными, а когда вырастут, из благодарности и любви ко всем, простили и забыли несправедливость к ним некоторых» [1, с. 276].

Далее император Бразилии сказал о том, что «от всего ... мы должны уберечь и охранить наших питомцев. Пусть они с колыбели видят себя окруженными и ласковой добротой, и заботливыми попечениями, пусть не зависть, не ненависть, а любовь и благодарность вместе с ними растут в их сердце. И тогда, возмужав, они сознают, что если отдельные люди и были виноваты перед ними, то общество и государство постарались смягчить и сгладить эту вину и дать им все, что в человеческих силах дать...» [1, с. 277].

Отсутствие окон и дверей на нижнем этаже объяснялось чисто гигиеническими целями, «в виду которых жилые помещения для предохранения детей от вредных испарений, а также и уличного шума, устроены в верхнем этаже; в нижнем же находятся кладовые, где сохраняется белье, платье и хозяйственные принадлежности» [1, с. 277].

В отдельных зданиях, выстроенных во дворе, помещались: кухня, прачечная и «людская»; при дворе разведен обширный сад. «Около ворот с внутренней стороны дома помещается контора, в которой имеется книга для записывания дня и часа поступления ребенка; в той же книге отмечают цвет кожи, волос, глаз и особые приметы младенцев, а также количество и качество белья, в которое он одет и завернут» [1, с. 277].

Затем детей раздевали и складывали их одежду в пакет под номером, который соответствовал номеру по книге: этот пакет сохранялся до выпуска питомца.

«Мать, желающая взять своего ребенка обратно, представляет в контору подробный перечень всего его примет и одежды и, если он сходится с пометками в книге, то дитя возвращается ей; если же нет, то оно остается в заведении» [1, с. 278].

В воспитательный дом, что необычно для тех времен, принимались одинаково дети «белой и черной расы, незаконнорожденные и рожденные в браке. Последние поступают преимущественно от беднейшего класса населения, который помещает туда детей или за неимением средств содержать их дома, или же за невозможностью иметь за ними какой-бы то ни было присмотр, когда родители заняты подневной работой или находятся в услужении» [1, с. 278].

В воспитании представителей различных рас не существовало никакого различия и «презрение общества к незаконным детям почти стусшевывается». «Мамки в воспитательном доме исключительно негритянки, которые во-первых вообще не делают различия между законными и незаконными детьми, а во-вторых, потому, что они без всякого ущерба для своего здоровья и здоровья детей свободно кормят двух младенцев в одно время. Здоровые, крепки дети кормятся грудью три-четыре месяца, потом переходят на рожок; более слабых детей отнимают от груди по прошествии года. Из колыбельных дети переводятся в детские на попечение нянек, тоже негритянок; причем дети обоего пола находятся совместно только до 5-ти летнего возраста, а затем мальчики отделяются от девочек» [1, с. 279].

Позже, с восьми и даже девяти лет воспитанники поступали в отдельные для каждого пола школы. Школы находились в этом же здании. «В учителя и учительницы, равно как в надзирательницы и сестры милосердия, принимаются исключительно белые. Дети разбиваются на три группы, из которых одна учится утром, другая среди дня, а третья вечером. Преподаватели сменяются поочередно; та часть из них, которая занималась с детьми утром и вечером, на следующий день занимается только среди дня» [1, с. 279].

Предметы, которым обучались в школе, включали в себя чтение, письмо, закон Божий, арифметика, краткая история и география.

Юноши оставались в воспитательном доме до 14-ти лет включительно: потом их переводили в «императорское военное училище, откуда, по окончании курса, питомцы поступают во флот или сухопутные войска». Девушки оставались в воспитательном доме до 17 – 18 лет. Они также получали элементарное образование и обучались различным ремеслам и профессиям. «Многие из них выходят белошвейками, портнихами, модистками, прачками, поварихами, камеристками» [1, с. 279].

К домашним же работам девушек приучали с ранних лет: «Уборка комнат, починка белья, платья и т. п. хозяйственные работы лежат всецело только на них, а они в свою очередь, достигши известного возраста, учат тому же малолетних питомок, приспособляясь к их возрасту и физической силе» [1, с. 279].

Благодаря такому распределению хозяйственных занятий, «воспитательный дом почти не нуждается в сторонней прислуге, чем значительно сокращаются расходы по содержанию дома. Недостающие же средства отпускаются казной и городом. По прошествии срока пребывания девочек в заведении, их помещают на места, соответственные тому ремеслу или профессии, которым они обучались» [1, с. 279].

Через несколько лет Педро II отрекся от престола и в Бразилия стала республикой. Но практика спасения детей путем организации воспитательных домов сохранилась и не ограничилась только столицей – Рио-де-Жанейро, распространилась на большинство городов Бразилии, да и всей Южной Америки.

Список литературы

1. Воспитательный дом в Рио-де-Жанейро // Детская помощь. – 1885. – №5.
2. Воспитательный дом в Рио-де-Жанейро (Из записной книжки туриста) // Русская мысль. – 1885. – №2.
3. Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных домах / Н.В. Яблоков // Трудовая помощь. – 1901. – март, апрель, июнь.
4. Яблоков Н.В. Призрение детей в воспитательных дома / Н.В. Яблоков // Демографическое обозрение. – 2017. – Т. 4, №1.